62/364 all. -3-

Борисов, В. Л.
x

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
30942 1992 г.

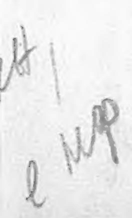
Городъ Лаишевъ въ XVI—XVII вв.

Свѣдѣнія о городѣ Лаишевѣ въ разсматриваемый періодъ не могутъ быть названы достаточными: они заключаются всего въ двухъ памятникахъ—именно, въ писцовой книгѣ города Лаишева и его посада 1568 г. и въ переписной книгѣ его же отъ 1646 года [1]; при этомъ первый изъ указываемыхъ памятниковъ не сохранился въ цѣломъ видѣ, такъ какъ до насъ дошла лишь первая часть писцовой книги, содержащая данныя о Лаишевской крѣпости, о «городѣ» въ техническомъ значеніи этого слова, и объ его гарнизонѣ; вторая половина ея, гдѣ описывался «посадъ» и его населеніе, отсутствуетъ,—уцѣлѣло только описаніе посадской церкви, да шести дворовъ посадскихъ людей. Другой источникъ—переписная книга—касается, какъ это вполнѣ естественно по самому характеру и назначенію памятниковъ этого рода,—только вопроса о «посадѣ» и его обитателяхъ, рисуя намъ экономическую сторону, но вовсе умалчивая о Лаишевѣ, какъ о стратегическомъ пунктѣ.

Несмотря на такую обстановку дѣла, когда нельзя похвалиться обиліемъ матеріала, мы все же рѣшились представить выборку данныхъ о Лаишевѣ изъ двухъ цитированныхъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ представленіе о боевомъ значеніи города въ эпоху, близкую къ водворенію

---

[1]) Книги города Лаишева и посаду Лаишевского писма Дмитрея Андрѣева сына Кикина с товарыщи лѣта 7076-го; Арх. М. Юст., писц. кн. №№ 152 (л. 256 обор.), 59 (лл. 501—508), 62 (лл. 479—484). Списокъ съ переписныхъ казанскихъ книгъ писма и дозору Тимоѳея Ѳедоровича Бутурлина да подъячево Алексѣя Грибоѣдова 154 году; А. М. Ю., переп. кн. № $\frac{6445}{6}$, лл. 211–248. См. также «Описаніе докум. и бум., хранящ. въ М. А. М. Ю.,» кн. I, Спб. 1869 г., стр. 114 (№ 1164) и 83—84 (№ 845).

въ краѣ русскаго владычества и потому полную всевозможныхъ случайностей а другой—о торгово-промышленномъ значеніи его въ періодъ, непосредственно предшествовавшій изданію Уложенія, произведшаго, какъ извѣстно, такую рѣзкую перемѣну въ политикѣ по отношенію къ посадскому населенію.

Далеко не грозную силу представлялъ изъ себя Лаишевъ во второй половинѣ XVI столѣтія. Это былъ не болѣе, какъ деревянный острогъ, имѣвшій въ окружности всего 284 сажени. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слабость фортификаціонныхъ сооруженій въ достаточной мѣрѣ искупалась природной крѣпостью даннаго пункта, такъ какъ Лаишевскій «городъ» занималъ уголъ, образуемый берегами р. Камы и «крутого врага», бывшаго, вѣроятно, русломъ исчезнувшей потомъ рѣчки; недостатокъ такихъ природныхъ укрѣпленіи съ остальныхъ двухъ сторонъ былъ восполненъ устройствомъ рва, глубиною и шириною по сажени «невеликие», имѣвшаго своимъ назначеніемъ усилить линію обороны «с казанские с лесные стороны, от казанского приезду».

Фронтомъ «городъ» обращенъ къ р. Камѣ, причемъ стѣна, шедшая параллельно берегу и равнявшаяся 60 саж., заканчивалась на обоихъ концахъ стрѣльнями, носившими названіе «верхней» и «нижней», сообразно теченію рѣки. Послѣдняя стрѣльня была устроена въ самой вершинѣ угла, составляемаго линіями Камы и «крутого врага», и потому на ней не находилось никакого «наряда», ни даже «сторожи»; напротивъ, на «верхней» стрѣльнѣ поставлены двѣ «пищали затинныя», и постоянно, «в день, и в ночь», по выраженію писцовой книги, находилась стража изъ трехъ стрѣльцовъ «съ ручницами». Въ этой же стѣнѣ продѣлано двое воротъ: Воскресенскія, расположенныя подлѣ «верхней» стрѣльни, и Водяныя – по серединѣ стѣны, чрезъ которыя, судя по ихъ названію, предполагалось, въ случаѣ осады, пользоваться водою: они были устроены «бес тайника», но, за то, надъ ними воздвигнута башня, вооруженная »затинной пищалью» и имѣвшая всегда «сторожу» изъ двухъ стрѣльцовъ «съ ручницами».

Отъ «нижней» стрѣльни шла вдоль «крутого врага» глухая стѣна, длиною 70 саж., въ концѣ которой, противъ татарской за-овражной слободки, возвышалась угловая стрѣльня, не имѣвшая «наряда», а только стражу изъ двухъ стрѣльцовъ «съ ручницами».

Задняя стѣна «города», выходившая къ «лѣсной сторонѣ» и направлявшаяся, на протяженіи 69 саженъ, отъ сейчасъ описанной угловой стрѣльни до такой же стрѣльни, по счету четвертой, прорѣзана по серединѣ Никольскими воротами, защищавшимися особо устроенной надъ ними башней съ двумя «затинными пищалями» и всегда охранявшимися карауломъ изъ трехъ стрѣльцовъ «съ ручницами»; къ этой же башнѣ, съ внутренней стороны ея, обращенной внутрь «города», были придѣланы, поверхъ воротъ, «отходныя» перила, огражденныя щитами. Четвертая «наугольная» стрѣльня, которая соединялась глухой стѣной, длиною въ 65 саж., съ «верхней» стрѣльней, послужившей для писцовъ исходнымъ пунктомъ при описаніи Лаишевскаго «города», охранялась двумя стрѣльцами «съ ручницами», но «наряда» не имѣла [1].

---

[1]) Такимъ образомъ постоянная стража укрѣпленій Лаишева состояла изъ 12 стрѣльцовъ, а не изъ 9-ти, какъ ошибочно сказано у Н. Д. Чечули-

Каждая изъ шести указанныхъ стрѣленъ и башенъ высотою была три сажени «с лохтемъ» и заключала въ себѣ три яруса или пояса, имѣвшихъ «бои», т. е. отверстія, через которыя защитники могли отражать нападавшихъ; такіе же «бои» были продѣланы и по всему протяженію стѣнъ, въ два ряда, причемъ верхніе назывались технически «из вокон», нижніе—«из городенъ». Число всѣхъ «боевъ» равнялось 582, и этимъ числомъ, слѣдовательно, опредѣлялся maximum защитниковъ Лаишева. Около каждой «городни» стѣны, подлѣ «воконъ», лежало приготовленными по возу камней, да по 30 дубовыхъ кольевъ, заостренныхъ съ обоихъ концовъ, вѣроятно, какъ матеріалъ на случай исправленія поврежденной стѣны, а, можетъ быть, и какъ оборонительныя средства. «Нарядъ», или артиллерія, какъ мы видѣли при описаніи укрѣпленій, заключался въ пяти «затинныхъ пищаляхъ», расположенныхъ надъ воротами, какъ слабѣйшими пунктами оборонительной линіи. Любопытно исчисленіе боевыхъ запасовъ, потребныхъ для дѣйствій артиллеріи: оказывается, что всѣ эти запасы состояли изъ двухъ пудовъ 17 гривенокъ съ полугривенкою пороха, по тогдашней терминологіи—«зелья». и двухъ пудовъ 7 гривенокъ съ полугривенкою свинца; «а не станетъ въ Лаишеве зелья и свинцу,—простодушно добавляетъ писцовая книга,—и зелье и свинецъ емлютъ въ Казани изъ государевы казны, у дьяковъ».

Этимъ исчерпывается описаніе Лаишевскихъ укрѣпленій; остальная часть писцовой книги посвящена обозрѣнію того, что находилось внутри «городской» стѣны. Здѣсь, конечно, на первомъ планѣ говорится о церквахъ. Внутри «города» стояло двѣ церкви, обѣ деревянныя,—Успенія Пресв. Богородицы и теплая,—во имя Николая Чудотворца; поставлены эти церкви лаишевскими жильцами, полоняниками и стрѣльцами, причемъ въ ц. Успенія былъ и «государевъ прикладъ»—«образъ Успенія Пречистые, местной, на золоте»; здѣсь же было нѣсколько образовъ—«поставленья» разныхъ лицъ, князей и бояръ. Утварь церковная и ризница, которыя подробно перечисляются и описываются книгой,—во первыхъ, очень немногосложны, а, во вторыхъ, поражаютъ своею бѣдностью, пожалуй, даже убогостью. Церковный штатъ заключалъ въ себѣ священника, дьячка и просвирницу, получавшихъ опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ, т. к. храмы были «ружные»: «государева жалованья годовые руги, у обеихъ церквей: попу—полшеста рубля, да рубль за сукно; да за церковную ругу—на ладанъ, и на темьянъ, и на воскъ, и на вино церковное—тритцеть алтынъ; да хлеба одиннатцать четвертей с полуосминою ржи, а овса тоже, да три пуды соли; да на реке Каме рыбные ловли, две свяски плавныхъ; да проскурнице, да церковному дьячку—по полтине человѣку, да по полутретьи четверти ржи, а овса тожъ». Въ такомъ видѣ получалась руга: съ одной стороны, видимъ, что она выдавалась и деньгами, и натурой; съ другой, что руга священно- и церковно-служителей отдѣлялась отъ собственно церковной руги, для которой назначалась особая сумма.

на въ его изслѣдованіи: «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ», Спб. 1889 г., стр. 212—213.

Изъ прочихъ строеній внутри «города» отмѣчены слѣдующія: сушило, въ которомъ, во время наѣздовъ, государевы повары «рыбу делаютъ», откуда можемъ заключить, что въ то время Лаишевъ славился своими рыбными промыслами, что, какъ увидимъ ниже, подтверждается и послѣдующими данными: два двора головъ, дворъ сына боярскаго, дворъ поповъ, два двора городовыхъ «воротниковъ», 25 дворовъ стрѣлецкихъ, и, наконецъ, дворъ жильца «нежалованнаго». Вотъ и всѣ обитатели «города» Лаишева, его гарнизонъ, его администрація; дополненіемъ, составлявшимъ необходимую принадлежность городского поселенія и составляющимъ ее и въ настоящее время, являлась тюрьма, находившаяся подъ вѣдѣніемъ тѣхъ же «воротниковъ».

Незначительность Лаишева XVI вѣка, какъ стратегическаго пункта, и даже какъ поселенія, помимо слабости его гарнизона, состоявшаго изъ трехъ десятковъ человѣкъ, обнаруживается и изъ того факта, что въ Лаишевѣ не было воеводы: представителями власти здѣсь служатъ головы Жила Чемодуровъ и Истома Дементьевъ. Что это за головы, изъ документа не видно; въ немъ они названы просто «лаишевскими»; вѣроятно, это были стрѣлецкіе головы.

Описанія «посада», какъ сказано, не сохранилось; по уцѣлѣвшему отрывку его можно лишь заключить, что «посадъ» былъ обнесенъ «острогомъ», т. е. частоколомъ; на площади между «городомъ» и «острогомъ» помѣщалась церковь Воскресенія Христова, поставленная и устроенная лаишевскими обывателями-посадскими; въ церковномъ дворѣ жили священникъ и просвирница. Изъ этого же отрывка видно, что, если не всѣ, то значительная часть лаишевскихъ посадскихъ «жильцовъ» состояла изъ «полоняниковъ», чему соотвѣтствуютъ и сохранившіяся имена «жильцовъ», какъ то: Ногайко, Самоилко, Кудеярка.

Таковъ былъ Лаишевъ XVI вѣка. Переходимъ теперь къ его обозрѣнію въ половинѣ XVII столѣтія.

Всѣ обитатели Лаишева раздѣлялись на нѣсколько категорій, различающихся между собою юридическимъ положеніемъ каждой изъ нихъ, и отчасти—занятіями ихъ членовъ. Послѣдній принципъ различія не имѣлъ, впрочемъ, существеннаго значенія въ разсматриваемое время, и лишь Уложеніе царя Алексѣя Михайловича стремилось придать ему таковое, но это стремленіе, какъ извѣстно, не имѣло большого успѣха.

Ядро населенія Лаишева составляли посадскіе люди и бобыли, обладавшіе въ совокупности 197 дворами, причемъ первыхъ, т. е. посадскихъ людей, представлявшихъ собою тяглый элементъ въ полномъ значеніи этого понятія, было 170 человѣкъ. Населеніе посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ равнялось 573 человѣкамъ, изъ числа которыхъ 376 падало на долю лицъ, находившихся въ тѣхъ или иныхъ, родственныхъ или экономическихъ, отношеніяхъ къ главѣ даннаго двора: это были—дѣти, пасынки, внучата, братья, племянники, пріемыши, ученики, наймиты, сосѣди и ихъ дѣти [1]),

[1]) Къ рубрикѣ посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ переписной книгой отнесены еще дворъ Троицкаго монастыря, въ которомъ жилъ дворникъ

Кромѣ дворовъ посадскихъ и бобылей, въ Лаишевскомъ посадѣ стояло 65 дворовъ рыбныхъ ловцовъ, которые жили на такъ называемыхъ бѣглыхъ мѣстахъ. Лаишевскіе рыбные ловцы, присутствіе которыхъ, какъ замѣчено выше, служитъ доказательствомъ широкаго развитія здѣсь рыбнаго промысла, занимали, въ сравненіи съ посадскими, привилегированное положеніе, ставившее ихъ совершенно особнякомъ отъ этихъ послѣднихъ; это была особая община, не тянувшая посадскаго тягла и лишь обязанная уплатой опредѣленнаго количества оброка, быть можетъ, даже въ натурѣ; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ловецкая община была отдѣлена отъ посадской не только въ отношеніи податей и повинностей, но и въ отношеніи административномъ она стояла самостоятельно [2]).

Остальные жители Лаишева—это военные люди на мирномъ поприщѣ; сюда относятся: служилые казаки (208 дворовъ—752 челов.), служилые иноземцы (10 дворовъ—24 челов.) и пашенные стрѣльцы (29 дворовъ—138 челов.).

Подводя итогъ цифрамъ, получимъ, что въ Лаишевскомъ посадѣ находилось 513 дворовъ, съ общимъ количествомъ населенія въ нихъ—въ 1736 человѣкъ «всякихъ чиновъ людей».

Что же говорятъ намъ эти цифры? Онѣ, какъ намъ кажется, свидѣтельствуютъ объ одномъ, именно о невыгодномъ положеніи лицъ, принадлежавшихъ къ «чину» посадскихъ, о невозможности ихъ конкурренціи, при тяжести падавшаго на нихъ тягла, съ людьми, не несшими его, съ бѣломѣстцами. Такое положеніе не было чѣмъ либо исключительнымъ для Лаишева; оно было обще всѣмъ русскимъ посадамъ, со всѣхъ концовъ Руси въ первую половину XVII столѣтія неслись къ Москвѣ жалобы на «оскудѣніе» и «обнищаніе» посадовъ, отвсюду указывалось, что «тяглые людишка..... разбрелися розно и дворишка свои мечутъ».

Уложеніе царя Алексѣя, регламентируя русскую жизнь, пыталось, между прочимъ, уничтожить факторы, препятствовавшіе до тѣхъ поръ развитію и процвѣтанію городскихъ поселеній; кое чего оно достигло въ указанномъ направленіи, но, во всякомъ случаѣ, результатовъ настолько незначительныхъ, что наступившему XVIII столѣтію досталась въ наслѣдіе отъ предшествовавшаго вѣка лишь одна «разсыпавшаяся храмина» городского благоустройства. Были попытки возстановить ее и со стороны Петра Великаго, и его великой послѣдовательницы—Екатерины II, попытки, сопровождавшіяся лишь одностороннимъ и временнымъ, по большей части, улучшеніемъ дѣла. Главная заслуга въ вопросѣ городского благосостоянія принадлежитъ нашему столѣтію, его послѣднимъ десятилѣтіямъ.

Въ заключеніе, чтобы исчерпать весь матеріалъ, имѣющійся въ переписной книгѣ, вернемся ненадолго къ Лаишеву и разсмотримъ свѣдѣнія о родахъ занятій его жителей. Относительно торговли и ея размѣровъ здѣсь ничего не говорится, т. к. это не составляло цѣли переписчиковъ, а указаны

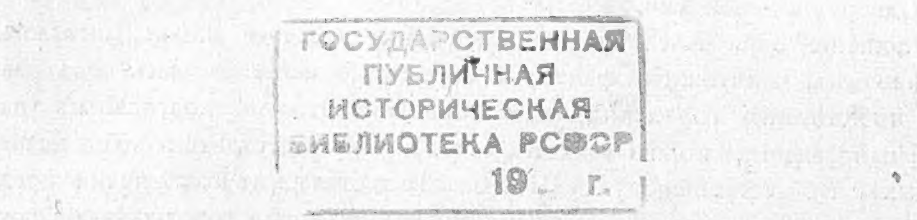
съ сыномъ и съ внукомъ, и 3 двора нищенскихъ, въ которыхъ обитали—4 человѣка. Т. о. общій итогъ настоящей рубрики выразится въ 201 дворѣ и 580 человѣкахъ ихъ обитателей.

[2]) Ловецкая община состояла всего изъ 242 человѣкъ.

только ремесла, которыми занимался владѣлецъ того или другого двора, Вотъ эти ремесла и число лицъ, занимавшихся ими: сапожниковъ—2 [1], красильщикъ—1, портныхъ—2 [2]), плотниковъ—3, горшечниковъ—2, калачниковъ—3 [3]), кузнецовъ—3 [4]), бочкарь—1, «дехтярь»—1, «овощникъ»—1, «корчажникъ»—1, кирпичникъ—1, «солодовниковъ»—2, котельщикъ—1 [5]), «крашенинниковъ»—2 [6]).

Наконецъ, еще одно замѣчаніе: при занесеніи въ книгу «сосѣдей», указываются мѣста ихъ прежняго жительства, до переселенія въ Лаишевъ, что позволяетъ нѣсколько прослѣдить, откуда «брело» населеніе, не нашедшее себѣ удобствъ тамъ, гдѣ оно жило ранѣе; «устюженинъ», «колмогорецъ», «вятченинъ—Котелнича города», «хлыновецъ», «вятченинъ». «орловецъ», «свіяженинъ», «юрьевченинъ», «алатарецъ», «кузмодемьянецъ», «двиненинъ—ростовские волости»—таковы эпитеты, сопровождающіе имена «сосѣдей», ушедшихъ въ Лаишевъ въ надеждѣ на лучшую жизнь и, при неосуществленіи такой надежды, устремляющихся еще далѣе, на розыски «новыхъ землицъ».

В. Борисовъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
19 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Петровскій.*

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1898 года.

[1]) Изъ нихъ—1 сосѣдъ пашеннаго стрѣльца; у него -*ученикъ*.

[2]) Изъ нихъ—1 пашенный стрѣлецъ.

[3]) Изъ нихъ—1 служилый казакъ.

[4]) Изъ нихъ—1 братъ пашеннаго стрѣльца.

[5]) Пашенный стрѣлецъ.

[6]) Изъ нихъ—1 пашенный стрѣлецъ; лица, о которыхъ не сдѣлано оговорки,—*посадскіе*.